

(ПРИЛОЖЕНИЕ)
(ИДЕИ СО СТОРОНЫ И ПРОСТО ПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ)

Альтицер Т. *Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма*. – М.: Канон, 2010. – 224 с.)

Выбираясь из исторического провала и спешно осваивая накопленный миром культурный багаж, мы, наконец, начинаем чувствовать сложное и противоречивое богатство западной теологии. От нее нельзя отмахнуться, ее нельзя проспять, прогулять, пропустить, как неинтересную лекцию. Пока в СССР выходили пустопорожние номера Журнала Московской патриархии или баптистского Братского вестника, на Западе шла череда интеллектуальных революций и не утихали теологические дискуссии. О «теологии смерти Бога» у нас отзывались коротко, поясняя такое странное словосочетание кризисом Запада, его буржуазно-протестантского сознания. И все же возникает чувство, что мимо нас прошло что-то очень важное, последствия чего сказываются до сих пор, значение и влияние чего обретает всемирно-исторический масштаб.

Открывая изданную в Москве книгу американского теолога Т. Альтицера (в США она вышла еще в 1966 году), чувствую волнение, знакомое по ситуациям, когда находишь давно потерянное, или когда сбывается давно загаданное. Т. Альтицер пишет

о ключевом событии священной истории – смерти Воплощенного Бога. Но, не вступая в конкуренцию с евангелистами, он перечитывает это архетипическое событие как культурно-исторический факт дней не столь давних, как явление позднего модерна на фоне заката «христианской» цивилизации.

Т. Альтицер не пытается вернуться в начало истории и выяснить вечную правду о Христе, он задается другим вопросом – о Христе историческом, хотя и не объективно историческом Христе, которого искали представители либерально-критической школы. Т. Альтицер настроен радикально-критично, поэтому не выделяет настоящего Христа из истории, а ищет в самой истории знаки, следы его Воплощения. Для теолога Личность проступает в истории гораздо лучше, чем на Туринской плащанице.

Т. Альтицер спорит не о начале – с биографами-евангелистами, апостолами и «отцами»; он беседует о *конце*, в котором смысл Воплощения проявится во всей полноте, завершенности, исполненности – беседует в странной для теологов компании Мелвилла, Блейка, Гегеля, Достоевского, Ницше, Джойса.

Названные персоны стали свидетелями «смерти Бога» в истории западной культуры. Для большинства же теологов эта смерть осталась незамеченной или стала очередным богохульством интеллектуалов. В отличие от своих соседей в церкви Т. Альтицер прислушался к тому, что Воплощенный и Умерший Бог говорит *в культуре*, поэтому стал частью круга свидетелей смерти. Для него Воплощенное Слово звучит не только в храме, запечатлено не только в каноне, но и в творчестве отчаянных богоискателей с их ужасом оставленности и чувством пропасти между ними и Богом.

Воплощенный Бог стал частью культуры, поэтому его нельзя ограничить кругом сакрального, церковного, традиционного. Согласно Т. Альтицеру, традиционно-христианская «привязанность к потустороннему, суверенному и безразличному Богу» (с. 18) противоречит учению о Воплощении, в котором Иисус был полностью Богом и *полностью* человеком, поэтому «радикальный христианин» утверждает, что «Бог есть Иисус, а не Иисус есть Бог», что значит: «Бог стал воплощенным словом, что он отверг свою потустороннюю форму» (с. 20). Такое «радикальное христианство» не приемлет Христа нашего христианского

прошлого и исповедует Христа кенотического, сошедшего в мир, принявшего плоть и кровь людей, жизни, культуры.

Для многих доброжелательных рецензентов «теология смерти Бога» представляется христианским ответом на то, что люди сделали с Богом (Ницше: «Мы убили Его»), критикой откровеннейшей бездуховности и проповедью по этому поводу. Но то, что сказал своей книгой Т. Альтицер, удивит многих христиан, привыкших держаться в безбрежном релятивизме мира за устойчивость традиционной теологии.

Т. Альтицер приемлет тотальную бездуховность мира как позитивный факт, так как не приемлет само деление на духовное и материальное, на потустороннее и земное, их метафизический дуализм. Уточним: он приемлет *тотальную* бездуховность, а не тотальную *бездуховность*. Только в полностью человеческом являет себя полностью Божественное.

Тогда «смерть Бога» – не только убийство, не только преступление людей, но и выбор Самого Бога, его жертва. Бог предпочел умереть, чтобы смертью связать Себя с людьми, их миром, их историей. Можно не искать Бога, который недостижим в силу Своей трансцендентности. Но нельзя отречься от Бога, который сошел и умер, воскрес и живет среди нас, стал нашим хлебом и вином, воздухом и светом, смыслом и ценностью нашей культуры.

«Только принимая наступление смерти Бога в нашем опыте, и даже желая этого, мы можем освободиться от потустороннего, – от того чуждого потустороннего, которое опустело в результате самоуничтожения Бога во Христе» (с. 116), – убеждает нас Т. Альтицер. «Теология смерти Бога» не справляет поминки по Христу, не вспоминает Христа прошлого. Живой Иисус встречает учеников у костра на берегу моря, угощает их рыбой и беседой. Воплощенный Бог живет рядом, смерть сблизил нас. В этом Евангелие, в этом *Радостная* Весть. Теология Т. Альтицера, разворачиваясь вокруг знамений культуры модерна, странным образом возвращается к Евангелию и становится его частью, его современной манифестацией.

Юрий Черноморец. *Византийский неоплатонизм от Дионисия Ареопагита до Геннадия Схолария*. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2011. – 568 с.

Выход в свет книги Ю. Черноморца – вполне самостоятельное культурное и научное событие. Вместе с тем здесь стоит видеть большее – книга выразила увлеченность автора и потенциальных читателей темой вечных отношений религии и философии как разных, но родственных способов отношения к миру, его понимания и объяснения.

Кажется, что у теологии и философии отдельные пути, и это так, но в разных пространствах, в зависимости от состава и плотности интеллектуально-духовной среды, эти дискурсы могут сближаться и удаляться. Как же найти слова о Боге без мудрости владения ими? И какая мудрость может быть без Бога?

Вне философского поля теологическая мысль теряется, тонет в догадках о невиданном и несказанном, в священном незнании лишь ожесточаются споры. В отсутствии теологической перспективы философия перестает длиться, сжимается и обращается в противоположность.

А бывает, что теология становится философией, и динамика Богопознания и Богомыслия сменяется совершенством интеллектуальных форм, внутренне пустых, но тем более внешне красивых.

Канонизация определенного способа богословствования и философствования лишь вредит. История потому и длится, что вне канона, рядом, в соседстве, возникала новая дерзкая мысль или сохранялась отвергнутая ранее традиция.

Для непривыкших сомневаться и задавать вопросы, вникать и проверять, христианство и христианская теология представляются чем-то статичным, гладким, цельно-простым. И тогда, например, встреча с протестантским разнообразием вызывает удивление и праведный гнев: почему у католиков и православных так все просто и понятно, и церковь единая, и традиция нерушимая, а у сектантов так много всего, что неуютно становится? Чего не хватает вольнодумцам, зачем эти бесконечные реформации и теологии родительного падежа?

Для обитателей канонической территории РПЦ картина христианства еще более упрощается: христианство – это православие образца РПЦ, есть где-то рядом католики, отношение

к которым боязненно-уважительно-враждебное благодаря их многочисленности, авторитетности и древности; а за порогом всякие-разные протестанты, назвать которых христианами можно лишь в приступе благодущия.

Внимательный взгляд на историю церкви и ее теологии опровергает подобный схематизм. Уже во время апостолов наблюдается реальное многообразие, конфликт теологий внутри церкви, соседство малых традиций внутри одной большой. Затем все только усложняется.

Многоцветная сложность истории теологии впечатляет по мере приближения. К внутренним дискуссиям добавляются разные взгляды на отношения теологии с философией и культурой. Всегда и везде можно было найти еретиков, отступления от канона, заимствования и влияния. Православие если и традиция, то большая, внутри которой всегда шла борьба традиций малых, и бедой оказывалось прекращение дискуссий, запрет на разномыслия жизнь убивал.

Для средневековой теологии, априори всеохватывающей и самодостаточной, философия выступала странной соседкой, внешним раздражителем, манифестацией иного – более свободного, раскованного и рискованного способа мыслить Бога в сближении с миром, в нераздельно-неслиянности, в преодолении метафизической раздвоенности.

Удивляет то, как часто обращение к философии, взгляд в сторону, приводил к теологическим поворотам и настоящим перестройкам сложившихся систем, казавшихся изнутри совершенными.

После книги Ю. Черноморца православная теология в ее отношениях с философией не поддается обобщениям, а избавляется от них. Это «освобождение теологии» от удобного, но далекого от правды схематизма можно только приветствовать, если бы не опасность дальнейших шагов, к которым зовет начатый экскурс. Если драматичные сближения теологии и философии не заслоняют собой Божий Промысел о единой церкви и Традиции; если Платон и Аристотель оставались желанными собеседниками для церковных теологов без ущерба для догматической истины; если в истории всего было так много, что канон не выделяется, а складывается из всего этого; то не сделать ли следующий шаг – в сторону? Не пригласить ли к диалогу другие церкви, другие теологии, другие типы теолого-философских

синтезов, восстанавливая их историю и логику отношений в масштабах «большой традиции»? Сравнивая внутри, отчего не посмотреть рядом? Не все можно найти в Византии, но все по-особому ценное, что можно там найти, будет интересно для всех, покажется близким и даже типичным для западного мира с его собственным опытом теолого-философских дискуссий. Не откроется ли новая перспектива теологии в этом сближении традиций Востока и Запада?

Блаженнейший Любомир (Гузар). *Общество и власть. Беседа Леси Орбец с Блаженнейшим Любомиром. Аудиокнига.* – Львов, 2011.

Кардинал Любомир (Гузар) известен далеко за пределами греко-католического сообщества. Это редкий случай, когда предстоятель одной из конфессий смог заслужить авторитет и почет в глазах поликонфессионального украинского общества. Примечательно и то, что данная конфессия не входит в число фаворитов у власти, следовательно, ее влияние скорее духовное, нежели политическое или финансовое. Насколько можно судить из биографии, текстов и выступлений Гузара, кардинал свободен от внешних влияний и чист от мирских влияний в своем христианстве, может, поэтому слушать его глубокие размышления о власти и обществе действительно интересно, в них нет тенденциозности или приторности.

Что нового может сказать иерарх церкви о политике? Окажется, может. Он говорит о политике, расширяя и одновременно углубляя смысловое поле. Политика теряет свою высоту и священность, при которых она понималась, а скорее ощущалась как далекая и недоступная сфера избранных. Политика для Гузара – сфера межличностных отношений, главным в которой является служение ближнему, а не достижение власти как таковой или получения выгод от своего положения. Это можно назвать **десакрализацией политики**, когда она приземляется на почву реальных человеческих связей, и лишь после этого в нее возвращается Бог, а после Бога и человек – как субъект свободного действия и объект социальной заботы.

Политика не сакральна, она освящается в меру соответствия Божьему Закону – это важный меседж, передаваемый священнослужителем нашему политизированному, разделенному и противопоставленному обществу.

В размышлениях Блаженнейшего политика крепко связывается с **этикой** как служение каждому и всем. Соответственно, власть должна быть этической и правовой, доступной для критики и ограничений. Каждый от нее может ожидать помощи и потребовать отчета. Безразличие в таком случае не просто невнимательность или проблема низкой эффективности власти, но преступление против общественной морали.

Политическая власть не поглощает собой все, она автономна, в своей автономии ограничена и разделена. Беда постсоветских стран в том, что их политики подавляют народ, которому должны служить. Политика – часть, которая стремится стать целым, использовать целое в своих узких интересах, вместо того чтобы служить всем людям, нации.

Христианский взгляд на политику исходит из реальности грехопадения и опасной склонности власти к расширению своих прав за счет подавления прав человека. Блаженнейший подчеркивает ценность личности, личной свободы и ответственности за «большую» политику. Здесь христианский персонализм противопоставляет политике, посягающей на свободу граждан.

* * *

Первая часть беседы посвящена этическому измерению политики, вторая – макроизмерениям политики, проблемам современных цивилизации и культуры, богословской оценке их духовных болезней.

Манера Блаженнейшего проста, и своей простотой подкупает. Он говорит известные истины, и при этом так проясняет и углубляет их понимание, что кажущиеся очевидности открываются как христианская мудрость жизни и практическое духовное руководство при сложном выборе. *«Жить нужно по совести. Политик не исключение. Одни и те же духовные принципы работают везде». «Честное служение народу – призвание от Бога. Это наилучшая форма деятельности, благородная, а не грязная». «Политики могут быть благословением народу или проклятием».*

Риска и ответственности у политиков всегда больше, чем у обычных людей. Именно поэтому здесь всегда есть место высшим христианским добродетелям, решимости и верности политике как призванию. *«Искушение есть везде, это не беда, это возможность закалять дух и расти, утвердиться в добре*

и доказать верность. Надо идти в политику сознательно, зная о возможных искушениях. Это не легкая дорога, но политик может быть хорошим, а если может, то должен».

Казалось бы, слишком много «духовного», а о политике – ничего. Но вдруг слышим: *«Политику нужно быть не только честным, но и компетентным».* Духовность не заменит профессионализм. *«Американский конгресс опирается на поддержку духовников. Мудрый политик советуется с людьми верующими. Но духовник не должен управлять, а помогать».*

Не нужен и чрезмерный оптимизм по поводу «духовных» влияний на дела мирские. Часто влияние лиц духовных на политику приносит новые проблемы. *«Политик от Бога – исключение. Мы не знаем помазанников Божьих, назначенных Им к политике».* *«Депутаты в рясах скорее делят, чем объединяют».*

Гузар не проповедует «христианскую политику», он вообще не проповедует, а спокойно размышляет из презумпций здравого смысла. Бог не влияет прямо на политику, поэтому «Божьей» или «христианской» политики быть не может. *«Бог знает, но не всегда влияет, Он уважает человеческую свободу, и Ему нельзя все приписывать. Человек не должен уклоняться от гражданской ответственности выбирать по совести своих политиков».* Постоянно подчеркивается персональная ответственность, **автономия человеческой воли** в делах земных, в построении общества и выборе образа жизни. *«Каждый может стать личностью в противостоянии социальному злу ради своего народа».*

В словах иерарха довольно много человеческого, что не совсем типично для интервью со священнослужителями наиболее распространенного, советского типа. Вот как он говорит о других авторитетных первоиерархах: *«Для меня митрополит Шептицкий прежде всего человек, настоящий, достойный»;* *«Иоанн Павел II также был необычным, незаурядным человеком».* Заметим: он видит в священниках вначале людей, а затем их статус в церкви и роль в политике.

Христианство Гузара – христианство с человеческим, точнее Богочеловеческим лицом. Он выделяется своим христианским гуманизмом. При этом вслед за Ф. Аквинским Блаженнейший отстаивает право народа на сопротивление безбожной и бесчеловечной власти. *«Хорошая власть от Бога, а есть власть*

«на грани». Есть нацисты и коммунисты, которых сложно назвать властью от Бога. Такой власти надо противостоять».

Он трезво оценивает религиозность политиков, покупающих расположение церкви благодеяниями, и политических церковников, ищущих власти для себя и своей конфессии: *«Набожность политиков – показуха»; «Церковь не должна идти на поводу у богатых жертвователей. Христос поблагодарил лишь одну вдову. Даяние ради славы обижает Господа»; «Настоящий политик должен работать, поэтому совмещать политику и церковь не получится»; «Я не знаю тех, кто пришел в политику ради проповеди и делает это».*

* * *

Во второй части беседа переключается на глобальные проблемы христианства и современной цивилизации. Гузар выступает не столько критиком либеральной современности, сколько сторонником развития в свободе и ответственности перед моральным законом. *«Нужно быть открытым к новому, но не изменять своим ценностям, следовать за совестью». «То, что называют либерализмом – развратность и непонимание человеческих прав, которые имеют границы: что я могу делать в соответствии с человеческой природой»; «Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода ближнего»; «Возможен ли христианский либерализм? Это широкое понятие. Здесь скорее релятивизм. Не менее опасен фундаментализм – слишком узкая интерпретация. Христианство не закостенело, это не только старина, возможны новые интерпретации».*

Христианство Л. Гузара одновременно гуманистично и ортодоксально, **открыто** и традиционно. Любовь к ближнему и толерантность к другим соседствуют с верностью своей церковной традиции и ответственностью за ее будущее: *«Из-за страха перед мусульманами мы не должны закрывать глаза на кощунства и насмешки над христианством. За обиду христиан терактов не будет, поэтому над ними подло смеются. Страх и подлость».*

В том же духе он говорит и о национализме – о любви к своей нации и терпимости к другим: *«Надо развивать национальные чувства. Нации не умирают. Национализм – это значит любить свой народ, здесь нет ничего плохого. Но при этом нельзя отказывать в правах другим народам».*

Национализм Патриарха греко-католиков связан с его прочтением целостной христианской истории, в которой есть разные церкви и разные культуры. Это национализм собирательный, объединяющий. *«Мы должны быть церковью всей Украины, а не только Галичины».* *«В любом месте украинец должен чувствовать себя сыном своего единого народа».* «Галицкий провинциализм», «украинский Пьемонт» не должен принижать национальные чувства других регионов.

Говоря о единой поместной церкви, Гузар исходит из реального многообразия традиций некогда единого **киевского христианства**, ныне представленного Украинской православной церковью, Украинской православной церковью Киевского патриархата, Украинской автокефальной православной церковью и Украинской греко-католической церковью. *«Поместная церковь будет тогда, когда все четыре ветви одной разделенной Киевской церкви объединятся».* *«Христос создал одну, а не четыре церкви».* *«Это не политическая, а религиозная обязанность – вернуться к единству. Пока мы не будем едины, мы не будем в полной мере христианами, нам будет чего-то не хватать».*

При богатстве традиций в Украине **«христианства мало»**, но именно оно поможет в решении основных социальных проблем, не решаемых средствами политическими. *«Во многих городах нет церквей, но везде есть памятник Ленину. Мы скорее коммунистическая страна, чем христианская».* *«Общество должно бороться с коррупцией не только как с экономическим преступлением, а как с моральным грехом. Закон не спасет без чувства моральности».* *«Государство не может заменить церковь. Церковь должна напоминать государству о Божьем законе. Не судить, но быть пророком: остановитесь! Больше этого не нужно, иначе теряется призвание».* *«Социальное служение церкви изменило Галичину перед Первой мировой войной. Нужно развить эту деятельность сегодня, создав социальную миссию внутри церкви».*

Опыт жизни и здоровое христианское учение позволяют А. Гузару говорить о **недопустимости государственной церкви** и партнерстве как желаемой модели отношений государства и церкви. *«В Польше не может быть государственной церкви, но может быть церковь большинства».* *«В России церковь слишком близка к государству, и государство ее использует».*

«Церковь не имеет многих возможностей государства, но она может поощрять развитие, сотрудничать. Отделение государства от церкви не означает отрицания друг друга. Они должны быть партнерами».

Блаженнейший называет себя старым, но при этом думает о новых поколениях христиан и граждан. Его Христос всегда современный, поэтому будущее и его риски не страшны. «Если бы Христос жил сегодня, он бы использовал интернет», – говорит Гузар.

Передав патриаршество своему молодому преемнику, иерарх показал пример доверия и поддержки. В его словах о молодежи звучит неподдельная тревога и забота, но также вера. *«Нужно воспитывать новое поколение. Мы оставляем молодежи плохой мир, много неисполненного, неочищенного, непонятого. Мы, старые, должны помочь в меру сил, но работать предстоит уже молодым».* *«Это не просто смена поколений. Начинают вымирать советские поколения. Приходят новые, им предстоит стать на новый путь, изучить свою историю и опыт других».* *«Требуется слишком много труда. Хорошо, что они не прошли советскую школу, но что делать дальше – они тоже не знают. Они должны идти вперед с желанием и открытостью».*

Мудрый теолог и пастырь призывает к возвращению к христианству как этической и мировоззренческой основе для совместной жизни людей в обществе, где господствуют враждебность и потребительское безразличие к другим.

Соглашаясь с основными его тезисами, нельзя при этом не сказать о возникшем ощущении, что Блаженнейший говорит уже из прошлого, которое от нас стремительно удаляется. В этом прошлом были возможны суверенные нации, христианская культура, традиционное общество, поместная церковь. Сегодня едва ли можно согласиться с его утверждением, что при объединении всех киевских церквей христиан станет гораздо больше и страна изменится к лучшему. Все эти благие пожелания вряд ли реализуемы в мире прозрачной сложности, постоянно умножающегося многообразия, которое не поддается объединению и не вмещается в границы. В таком мультиверсуме связей всего со всем автономия религии и политики, этическая и гражданская разборчивость уже немислимы. Политика есть

езде, и ее нет нигде конкретно, так же и с христианством, которое становится все более синтетичным, без однородности, без центра и привычной картографии.

Слова Любомира Л. Гузара напоминают христианам, что даже в постсовременном и глобализированном мире сохраняют свое значение привычные координаты места и времени, без которых ориентация и движение вперед будут невозможны. Так внутри Вселенской церкви выделяется Киевская традиция, в которой различаются четыре церкви.

Но Патриарх обращается не только к христианам. Он говорит всем **гражданам** о действенности Божьего закона, о личной ответственности за жизненно важные выборы. Говорит о том, что переживает все эпохи, что абсолютно значимо в политике и жизни любого общества, любой эпохи. Так Патриарх сочетает укорененность с открытостью, любовь к своему народу и своей церкви с христианским универсализмом, проповедь с гражданской позицией.

В словах Блаженнейшего слышны простота и мудрость христианина, сохранившего свободу внутри большой «церковной политики»; простота и мудрость, которыми так бедно огосударственное и привилегированное христианство.

Уильям Пол Янг. Хижина. Разговор с Богом. – М., 2010. – 320 с.

Неизвестный автор пишет книгу о малопопулярном сегодня Боге. Мало кто мог предугадать успех этой книги. А теперь вряд ли кто-то не слышал об этом романе и дискуссиях вокруг него.

Успех «Хижины» можно объяснить только одним – люди устали от традиционных разговоров о Боге, от религиозных систем и церковных бюрократий, но не перестали думать о Нем, вопрошать Его, спорить с Ним, болеть вечными вопросами. Оказалось, что в пострелигиозном и постхристианском мире Бог вовсе не умер, устарели и умерли лишь образы, привычные слова, стереотипы.

Книга возмущает «чрезмерной» смелостью мысли, радикализмом поставленных вопросов, неподдельностью выраженных переживаний. За считанные месяцы хождения по миру она вызвала ожесточенную критику теологов, но при этом нашла признание огромной аудитории простых, «нерелигиозных» людей.

Русский перевод, изданный в прошлом году, получил подзаголовок «Разговор с Богом». Впервые книга, на обложке которой был упомянут Бог, стала бестселлером в постсоветских странах. То, что не удавалось сделать проповедникам всех христианских церквей, легко, без усилий и активных кампаний сделала художественная книга.

Автор рассказывает историю о человеке и Боге, в которую приглашает читателя. П. Янг говорит с Господом о человеке, но также о Боге с человеком-читателем. То, что изложено в тексте, мог бы сказать почти каждый из нас. Такой авторский замысел делает всех нас активными участниками рассказа. Религиозные традиционалисты и далекие от христианства люди втягиваются в дискуссию, которую порождает текст. Никто не соглашается со всем, но все соглашается с «чем-то важным».

Феномен «Хижины» засвидетельствовал растущий спрос на правдивость, искренность, открытость в разговорах о Боге.

Местоимения, указывающие на Бога, в тексте даны строчными буквами, что не привычно для отечественного читателя. Сам автор объясняет это тем, что он описывает Бога вблизи, а не издалека; Бога, доступного и вочеловеченного, который не требует заглавных букв и протокольных церемоний.

Во избежание недоразумений скажу: книга написана не для теологов, П. Янг писал ее для своих детей. Иначе автор наверняка бы обошел острые углы, спорные вопросы, уклонился бы от возможных атак.

Идеи П. Янга слишком уязвимы для критики. Теологическая неопределенность, блуждание мысли на границах, где христианство уже заканчивается или только начинается, дает лишь общие ориентиры в пути. Для тех, кто привык путешествовать обустроенными автострадами, неясностей в книге достаточно много. Однако герой ищет ответы не на магистральных дорогах и не в залах мегацерквей, но на заметенных снегом тропинках, в заброшенной хижине.

Как и большинство нынешних книжечек, я не покупаю «книги ответов» или книги «правильные», где все ясно еще с первой страницы. П. Янг мудро оставляет место для тайны и не снимает вопросительную напряженность. То, что делает книгу уязвимой, стало ее достоинством.

Книга в хорошем смысле еретична, именно ересь стимулирует поиск, диспуты, пробуждает дремлющую церковь. Но если

это и ересь, то автор в ней не упорствует. Он лишь передал словами пережитое, прочувствованное. Останься герой в хижине еще хоть на один день, неизвестно, какой бы поворот мог принять сюжет, какие еще откровения мы бы узнали. Придираться можно тогда, когда автор выводит сумму теологии из своей частной мысли или частного опыта. Этого у П. Янга нет.

Почему же тогда книга так задевает ревнителей традиционной духовности? Да потому, что праведный гнев на автора переключает, отвлекает внимание от собственной теологической несостоятельности. Дело не в книге, а в нас самих. Герой встретился с Богом, хоть и в непривычных образах; а в нашей жизни была ли *встреча*?

Схоластичная, кабинетная теология проигрывает художественному произведению. Но «Хижина» выигрывает не в силу теологической правильности, а по причине небывалого дерзновения, которое так любит Бог. Как во времена Иова, правильные теологи рискуют услышать: «Вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов» (Иов. 42:8).

Отдавая дань уважения автору, все же замечу: «Хижину» выделяют не столько достоинства текста, сколько созвучность времени и настроению современников. Это нельзя было заработать писательским трудом, П. Янгу была *дарована* способность выразить дух времени, накопившиеся волнующие вопросы, неизбывную тоску по «настоящему» Богу. Ведь у каждого – своя трагедия и своя «хижина», в которой можно встретиться с Господом.

Книга П. Янга – текст вторичный и не самодостаточный. Чтобы понять многие вопросы и мысли автора, необходимо читать Библию. «Хижина» отсылает к источнику, без связи с которым она останется ни к чему не обязывающей и никому не ясной аллегорией.

Гаврилова Н. Современная религиозность. Во что и как верит молодежь Украины. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. –148 с.

Книга резюмирует результаты многолетних исследований религиозности современной молодежи в постсоветском контексте и провоцирует дискуссии среди социологов, религиоведов, религиозных лидеров. Какое место занимает религия в жизни молодых поколений? В чем выражается декларируемая

религиозность? Как современная религиозность соотносится с церковной жизнью, с конфессиональными традициями, с официальными формами, государственными предпочтениями?

Исследование вызывает интерес у представителей христианских конфессий, озабоченных оттоком молодежи из церквей, безразличием к религиозным вопросам. К сожалению, у нас не проводятся исследования по инициативе самих церквей, поэтому нет возможности для сравнения результатов конфессиональных и религиозоведческих анализов. Отсутствие проверенных данных приводит к мифотворчеству относительно современной религиозности, когда с легкой руки можно называть всех верующими или неверующими, говорить о возрождении православия или его гибели, о протестантизации или секуляризации всей Украины.

Исследование Н. Гавриловой продуцирует вопросы, а не ответы. Задаем простой вопрос: интересуются ли религией молодые люди? Ответ положительный. Очевидно, что нельзя довольствоваться тем, что молодежь вроде бы религией интересуется, хорошо бы узнать интенсивность такого интереса. Оказывается, что периодически интересуется меньшая часть. Значит, большая часть питается другими «духовными» источниками, живет вне религии.

Далее: в каких отношениях пребывают молодежь и «духовная» литература? Что читают, можно ли назвать это чтение «духовным»? Серьезная христианская книга не попадает в бестселлеры. Выходит, что, признавая себя религиозными, молодые люди предпочитают книгу нерелигиозного содержания, а иногда и «антихристианского». А Библия оказывается слишком сложной даже для истово религиозных.

Молитву вроде бы все ценят, даже в силу ее верят. А кто молится хотя бы раз в день? А как молится, с участием сознания или просто формально-ритуально?

Согласно опросов, приведенных в книге, более 60% студентов не могут подтвердить факт религиозной свободы в стране. Это значит, что они не будут ее защищать и даже не заметят, когда она исчезнет? Или это значит, что люди проблему не замечают, потому что ее нет, потому что с религиозной свободой и терпимостью все обстоит довольно неплохо?

Большинство молодых людей выступает за невмешательство религии в сферы нерелигиозные. Это как понимать? Как

приватизацию религии или как ее музеефикацию? Религия перемещается внутрь, в глубину личности, или в пыльный архив? Отметим, что религиозный индивидуализм спасителен в эпохи кризиса церкви. Если церковь вызывает лишь реакцию отторжения, то личная вера может быть спасительной. Конечно, разочарование в церкви грозит религиозной бездомностью. Но чаще всего, приходя в церковь, молодежь ищет там не Христа, а интересный ехрегIENCE.

Отмеченная эклектичность мировоззрения свидетельствует о том, что вместо традиционного для Украины христианства в ряде вопросов более авторитетными оказываются другие религии. Исследования показали, что вопросы спасения и вечной участи мало кого волнуют, интерес сдвигается к сфере «здесь и сейчас». Не означает ли это, что церковь больше не может спекулировать темой рая и ада, и должна отважиться на откровенную беседу о вещах более злободневных?

Заметной тенденцией стало увлечение новым формами религиозности, где связь с миром сверхъестественным представляется простой и доступной, где меньше обязательных требований и доктринальной ограниченности. Конфессиональная неопределенность вызывает симпатии у молодых людей, которым тесно в очерченных границах. Им куда более симпатично «просто христианство», о котором когда-то писал оксфордский профессор Клайв Льюис.

Вспомнив известного христианского апологета-интеллектуала Льюиса, отметим, что за двадцать лет «христианского возрождения» Украина сохранила худшие традиции советского образования, которое по-прежнему отстаивает научность атеизма и разрушает религиозный интерес молодежи. Где же честность и принципиальность профессуры, если Дарвин и Маркс до сих пор «в авторитете», а о теории креационизма упоминают лишь в связи с мракобесным протестантским фундаментализмом?

Для студенчества интенсивное религиозное сознание важнее системы обрядов, ритуалов, священнодействий, покорного следования традиции. Вопросы мировоззрения снова выходят на первый план. Там, где взрослый человек молча делает, студент спрашивает и спорит. Такие дискуссии родственны христианству, только в сомнениях, вопрошании, диспутах оно открывается. Книга Н. Гавриловой и начавшееся ее обсуждение радуют тем,

что возвращают вопросы веры в круг дискуссий, освобождают вечные истины из забвения и музейной пыли.

Гленн Шварц. *О преодолении нездоровой финансовой зависимости в миссии.* – СПб., 2011. - 180 с.

Глен Шварц, директор *World Mission Associates*, призывает к преодолению зависимости христианского служения от внешних ресурсов. Может показаться, что автор проповедует независимость, но это не так. По крайней мере, я обращаю внимание на то, что речь идет о зависимости *нездоровой* – это акцентируется уже в названии.

О видах нездоровой, парализующей, задерживающей, портящей зависимости читатели знают и без Глена Шварца. Автор добавляет к этому знанию альтернативу, другой взгляд, новую перспективу; показывает пути к оздоровлению.

Зависимость быть должна, без нее в мире людей нельзя обща что-то делать, тем более в сфере служения, где взаимная связь должна быть как нигде прочной и полезной. Зависимость должна быть, но должна быть *здоровой*. Это происходит, когда люди делают свое дело, исполняют миссию, призвание, мечту независимо от того, есть ли инвестиции, гарантии, стабильная обеспеченность.

От помощи не отказываются, но и не прекращают дело, если помощи нет. Всем жертвователям благодарны, но ни перед кем не заискивают, манипулировать своей нуждой никому не позволяют.

Уверен, нам будет неприятно, если в ответ на протянутую руку помощи услышим гордые слова о независимости. Бог создал нас зависимыми. Мы нужны друг другу. Вклад каждого в служение другого должен быть принят как от Бога.

Бог одарил нас ресурсами и распределил их так, что никому не принадлежит все сразу, приходится обмениваться дарами и дополнять служение друг друга.

Г. Шварц провоцирует евангельских лидеров постсоветских стран на серьезное переосмысление не только финансовой политики, но самого способа служения – почему и на каких условиях мы делаем то, что делаем?

За чьи это деньги, кому это выгодно? – Эти вопросы задают внецерковные люди. Возможно, неясность, непрозрачность в этом удерживает их от следующего шага по направлению

к церкви. Недавние финансовые скандалы вокруг церквей и миссий стали сенсациями в СМИ, но так и не получили исчерпывающего ответа со стороны самих служителей. Молчание лишь раздувает скандал.

Ясность нужна и самим лидерам служений – на какие ресурсы они могут рассчитывать, как планировать работу, как обеспечивать семью? Эти темы требуют серьезного и откровенного обсуждения.

Книга Г. Шварца предлагает обобщение богатого опыта и оригинальный авторский взгляд на принципы и условия привлечения ресурсов для служения. Это хороший стимул для переосмысления национальных служений, достойный вклад для дискуссии среди местных лидеров.

Священник Тимофей (Алферов). *Протестантка*. – Симферополь, 2008. – 160 с.

В наше время много говорят о конце истории – о том, что все закончилось, исчерпалось, устарело. Начав с постмодернизма, разоблачавшего культурные идеалы, дошли до постхристианства и разрушения духовных первооснов. Все традиции объявлены неактуальными. Все святые вместо объекта почитания стали мишенью насмешек. Злая ирония стала господствующим настроением. Какое уж тут христианство.

На фоне бурного развития этнических религий, возрождения древних языческих и рождения новых культов, голос разделенного христианства слышен все слабее. Возможно, уже в ближайшем будущем христиане окажутся в меньшинстве и оппозиции к глобальным тенденциям и настроениям.

И как-то не соответствует всему этому фраза о. А. Меня, сказанная накануне его мученической смерти: «Христианство только начинается...». При, казалось бы, всем очевидном конце истории, в том числе истории христианской, истинные верующие видят начало. Чего начало? Какого христианства начало? Какого рода должно быть это христианство, чтобы в эпоху «пост», эпоху конца, под занавес истории утверждать начало?

Вот такие сложные вопросы занимали меня после чтения книги отца Т. Алферова «Протестантка», которая написана как диалог и спор между христианами – православными разных толков и протестантами, у которых течений и церквей еще больше. Кажется, симпатии автора на стороне православия, он

вкладывает в уста своих персонажей беспощадную и едкую критику протестантов. Только вот обличения в адрес своих же братьев-христиан не находят поддержки у серьезного читателя.

Думается, это смелый авторский ход – вроде бы ясно, на чьей он стороне, а на самом деле его цель в другом – показать, что любая критика имеет свои основания, что даже справедливая критика может быть жестокой, а потому неоправданной. Позволю себе не согласиться с большинством аргументов отца Виктора, слишком примитивны они, рассчитаны на обывательский уровень, на стереотипы массового сознания. Но даже если привести более веские упреки протестантам, все же непонятно, куда мог вернуться раскольник Николай, в какую из православных церквей – в кэгэбэшную или в цээрушную. Возвращаться некуда, нужно идти вперед – к Богу, по ту сторону разделяющих традиций.

А ведь и в самом деле христианство только начинается. Мы ждем не конца, но начала Вселенской церкви, собранной от всех времен и всех народов. «Доколе не придем в единство веры»... Все споры между традициями – лишь предыстория, а вот единство – начало новой и вечной страницы истории церкви.

Перед началом новой эпохи евангельского христианства нужно осознать условность наших традиций. Ныне опальный католический богослов Ганс Кюнг всю историю церкви увидел как историю реформаций. Такие великие и разноплановые реформаторы, как апостол Павел, Ориген, Ф. Аквинский, М. Лютер, Кьеркегор, К. Барт представляют евангельское христианство, общую традицию для всех конфессий. У В. Соловьева единство церкви представлено такими символическими фигурами, как старец Иоанн, папа Петр и профессор Паули, представляющими все три основные конфессии и как бы дополняющие, укрепляющие друг друга в борьбе с антихристом.

Жаль, что отец Виктор и пастор Николай, искренние и образованные предстоятели церкви, так и остались вне этого единства.

Как представитель евангельского протестантизма, желаю читателям-протестантам увидеть в православных своих братьев, искренне верующих и знающих на личном опыте действие Благодати. Не стоит посвящать дискуссии историческим недоразумениям и взаимным обвинениям, гораздо полезнее говорить о познании Бога и служении Ему.

Вместе с тем стоит прислушаться к замечаниям в свой адрес, осмыслить и проверить свою позицию. Со своей стороны признаю, что приведенная в повести критика популярных версий протестантизма во многом достигает цели. Благодарю автора за это усилие понимания, внимание к другому, решительную прямоту (и к себе, своей позиции в том числе!).

Евангельская вера не тождественна ни одной из конфессий и не утверждается на жестокой критике других традиций. Протестантам стоит чаще задумываться об истории церкви, изучать опыт отеческого богословия, принять православную традицию как важную часть исторического пути церкви, актуальную и в современной духовной ситуации.

Меня не покидает сильное и волнующее предчувствие, что церковь стоит на пороге новой реформации, которая охватит все конфессии и вернет христианам утраченное единство в Истине.

И все же кажется, что повесть не о конфессиях, а о человеке: как происходит поиск истины, встреча с Богом, общение с такими разными и несовершенными христианами.

Задумаемся о своем христианском пути, зададим себе вопросы: встретили ли мы Христа в лабиринте наших традиций, знаем ли радость Света, счастье спасения, общность со всеми верными в его любви?

Сергей Головин. *Мировоззрение – утраченное измерение благовестия.* – Симферополь, 2008. – 96 с.

Несмотря на отчаянные усилия христиан, мир становится все менее христианским. И это поистине глобальная ситуация – и посткоммунизм у нас, и постмодернизм на Западе, разрушив прежние идеологии, не привели, как ожидалось, к вере, но наоборот, распространили скепсис и равнодушие также и на христианство. А как могло быть иначе, если оно прочно срослось с коммунизмом и модернизмом, стало частью прошлой эпохи, впитало особенности той культуры?

Вызов постхристианского мира обращен к церкви не столько как угроза, сколько как вопрос: насколько последователи Христа готовы пожертвовать полюбившимся прошлым, своими славными традициями и привычными методами, чтобы повернуться лицом к обществу и решиться на новую Реформа-

цию? Ведь без внутренней Реформации невозможна актуальная и действенная проповедь миру.

Работа С. Головина представляет один из подходов к преобразованию миссионерской стратегии церкви. Автор призывает говорить не о прагматичных способах покаяния грешников и секретах количественного роста церквей, но о более тонких материях – о мировоззрении, культуре, интеллектуальной аргументации.

Христианство в его евангельском понимании – мировоззренческая революция, радикальные перемены в мышлении и образе жизни. То есть не система запретов и не узкорелигиозная вера, а целостное позитивное представление о жизни и сама жизнь.

Смелый, но правдивый тезис автора о неудачном «пробуждении» начала 90-х гг. в наших странах как величайшей неудаче христианской миссии привлекает наше внимание к мировоззренческой основе «верующих» и «неверующих». Оказывается, мировоззрение самих верующих – если оно не основано на библейских принципах, а является частью устаревшей культурной традиции, – может стать препятствием для успешного благовестия. Прежде чем менять мировоззрение «ищущих», необходимо дать отчет в собственном уповании, прояснить свои мировоззренческие позиции со всей интеллектуальной честностью.

Необходимо готовить мировоззренческую почву для принятия христианской вести. И здесь не обойтись без вечных вопросов о вере и разуме, церкви и культуре, Боге и человеке. Рациональная убедительность, развитое учение о человеке, богословие культуры – вот ключи к мировоззренческому диалогу с обществом.

Автор формулирует ряд важных тезисов, которые вводят благовестие (возвещение Евангелия) и саму Благою весть в контекст целостного мировоззрения человека, а не только его духовной, собственно религиозной части. Что не менее важно, автор предлагает практические примеры того, как изучение Писания может вполне удовлетворять интеллектуальным требованиям и даже давать интеллектуальное удовлетворение.

Здесь целостность – единство измерений личности, когда духовное, душевное, материальное гармонично соединены, когда вера становится не частью, поглощающей все, но руководством

к преображению и всестороннему развитию человека, общества, культуры.

Особого внимания заслуживает авторская интерпретация Воплощения не только как догмата (что тоже мало раскрыто в богословии евангельских церквей), но и как принципа отношения к культуре – не столько говорить, сколько слушать; всерьез воспринимать вопросы наших современников, их непрекращающийся и живой поиск истины.

С некоторыми тезисами и аналогиями автора можно и нужно спорить. Они отражают личный опыт – в этом их отнесенность, а также их сила. Но поднятые вопросы действительно общезначимы и могут служить широкой и плодотворной дискуссии.